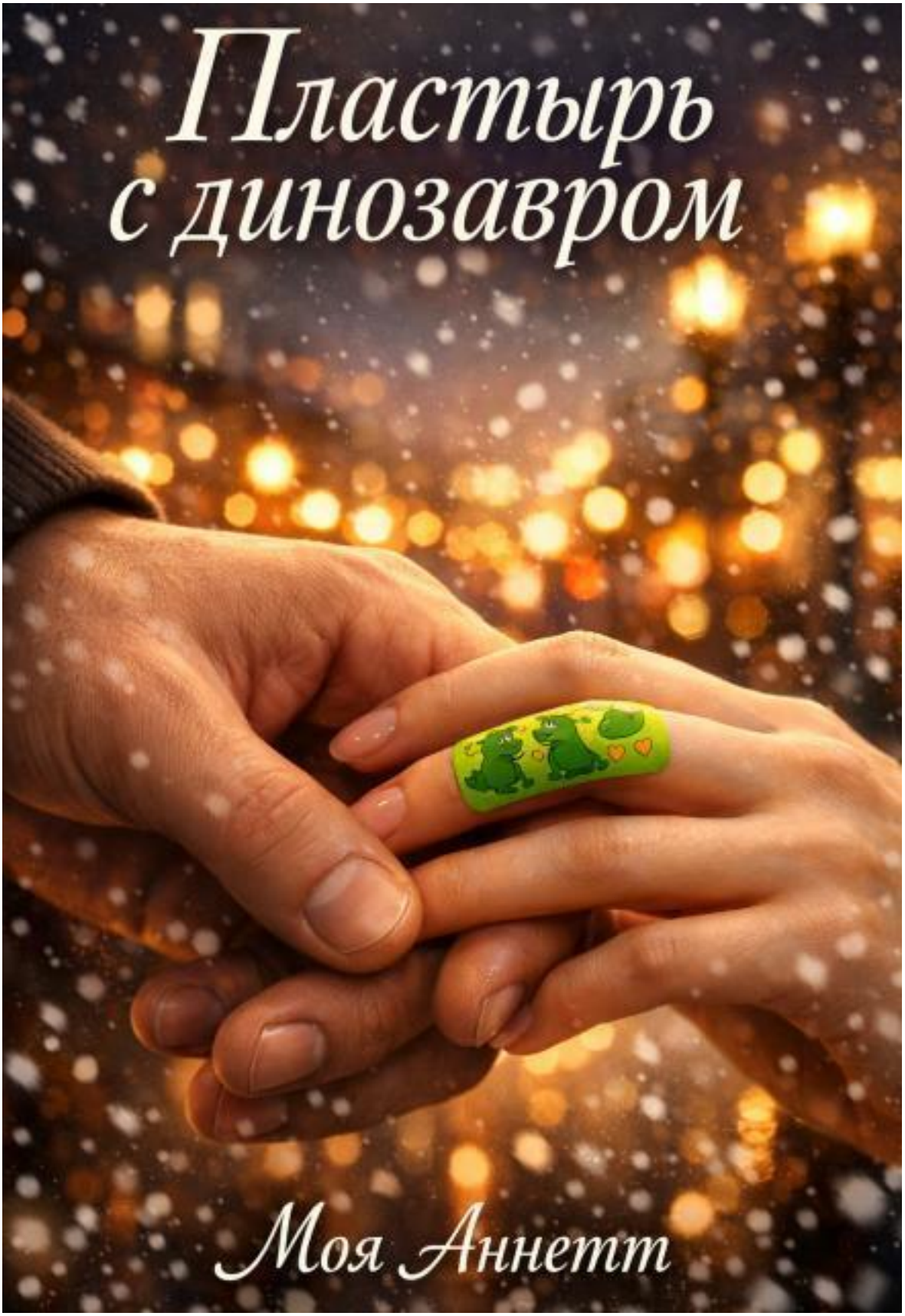
Пластырь
с динозавром
Моя Аннетт

Моя Аннетт

Пластырь с динозавром

«Литнет»
2026

Аннетт М.

Пластырь с динозавром / М. Аннетт — «Литнет», 2026

«Ты потеряла товарный вид, детка. Женщина должна вдохновлять, а ты — стоптанные тапочки».Арина слышала это от человека, чью коммуналку в элитном ЖК оплачивала, пока он «искал себя» и строил воздушные замки. Она была удобной, послушной и... слепой. Пока однажды не вернулась домой раньше и не увидела то, что разбило её мир вдребезги.Одна ночь. Дождь. Пустой кошелек и кровоточащий палец. Казалось бы, хуже некуда. Но в круглосуточной аптеке, где Арина пыталась согреться, её ждал не только отказ банковской карты, но и встреча, которая изменит всё.Он — огромный, уставший педиатр, который знает, что мир острый и люди часто режутся. У него в кармане — пластырь с динозавром, а в душе — спокойствие, которого Арине так не хватало.«Пластырь с динозавром» — пронзительная история о том, как снять токсичное покрытие прошлого, зачистить раны и нанести новую базу. Базу, на которой держится настоящее счастье.

© Аннетт М., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Гель-лак и разбитые мечты 5
Глава 2. Срочный прием 9
Глава 3. Терапия реальностью 15
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Глава 1. Гель-лак и разбитые мечты

Звук фрезера вгрызался в мозг, как бормашина стоматолога-садиста. «Зззз-ззз-ззз». Десять часов подряд. Моя спина давно превратилась в одну сплошную ноющую доску, а глаза, кажется, забились мелкой белой пылью, которая была здесь повсюду. Она оседала на ресницах, на черной форме, на экране телефона и, кажется, даже на моей душе.

— Арин, ну ты представляешь? Он мне говорит: «Зай, я пока не могу работать, я ищу свое предназначение». Предназначение! А кто за ипотеку платить будет? Пушкин?

Я кивала, механически счищая старое покрытие с ногтя клиентки. Это была Кристина, моя постоянная. Хорошая девчонка, но её жизненные драмы всегда шли в комплекте с маникюром «все включено». Обычно я была отличным психологом — кивала, поддакивала, давала советы. Но сегодня мой внутренний ресурс был на отметке «минус бесконечность».

— Потерпи, сейчас будет немного горячо, — предупредила я, меняя фрезу.

Руки дрожали. Едва заметно, но для мастера моего уровня это был тревожный звоночек. Я слишком мало спала. Слишком много работала. И слишком часто слушала лекции о том, что я «недостаточно стараюсь» и «не соответствую».

Фреза соскользнула. Совсем чуть-чуть. Но этого хватило, чтобы пройтись по моей собственной коже, когда я перехватывала палец клиентки. Резкая боль обожгла большой палец. Выступила капля крови — яркая, красная, живая на фоне стерильно-бежевого стола.

— Ой! Ты поранилась? — Кристина округлила глаза.

— Ерунда, — я быстро пшикнула антисептиком, закусив губу, чтобы не зашипеть. — Извини. Устала немного.

Я заклеила палец пластырем. Обычным, телесным, который тут же начал отклеиваться от влажности. Посмотрела на свои руки. Сухая кожа, заусенцы, коротко спиленные ногти без покрытия. Сапожник без сапог. Руки женщины, которая обслуживает красоту других, но на себя времени не находит.

— Слушай, Арин, ты какая-то бледная, — Кристина рассматривала свой свежий «френч». — У тебя всё нормально? Твой-то как? Всё еще «в потоке»?

Я натянула улыбку. Профессиональную, номер пять.

— У Андрея сейчас сложный период. Он запускает новый проект по нейро-инвестициям. Там большие риски, нервы...

Я врала. И самое страшное — я знала, что вру. Никакого проекта не было. Были только бесконечные вебинары и его «личный капитал», который лежал на счетах и меня не касался. Наш быт, еда и мелкие расходы держались на мне, пока он «реинвестировал прибыль».

Телефон на столе ожил, завибрировав так, что баночка с обезжиривателем звякнула. На экране высветилось: «Андрей ❤#». Сердце привычно сжалось. Не от радости. От спазма тревоги.

— Прости, я отвечу, — я стянула перчатку.

— Да, Андрюш? — я старалась, чтобы голос звучал бодро.

— Арина, ты календарь видела? — его голос был бархатным, глубоким, тем самым, на который я повелась три года назад. Но теперь в этом бархате звенел металл. — Сегодня пятнадцатое число. Где деньги за коммуналку? Я только что проверил счет, поступлений нет.

Я прикрыла глаза. Коммуналка. Четырнадцать тысяч за его «двушку» в престижном районе. Квартира была его собственностью, он купил её до меня и очень этим гордился. Но оплата счетов, по его логике, была моей «инвестицией в совместный комфорт».

— Андрей, я... я замоталась. У меня полная запись сегодня, даже поесть не успела.

— Замоталась? — он хмыкнул. Этот звук был страшнее крика. — Арина, ты живешь в хаосе. У тебя нет структуры. Я же просил: пятнадцатое число — день платежей. Это база

финансовой дисциплины. Как я могу строить империю, если у меня тыл — дырявый? Скидывай сейчас.

— Хорошо, сейчас переведу. Секунду.

Я свернула звонок, открыла приложение банка и перевела деньги. Баланс жалобно уменьшился.

— Перевела, — сказала я в трубку.

— Вижу. И еще. Протеин. Ты купила шоколадный? Или опять тот дешевый с клубникой, от которого меня тошнит?

— Я не успела заехать в спортпит... Магазин закрывается в десять, я еще работаю.

В трубке повисла тишина. Тягучая, липкая.

— Ясно. Знаешь, Арин, иногда мне кажется, что ты специально саботируешь мой режим. Тебе выгодно, чтобы я был слабым. Это психология бедности. Мне нужна энергия, понимаешь? Энергия! А ты — это болото. Ты тянешь меня вниз своим нытьем и забывчивостью.

— Я не ною, я работаю... — прошептала я, чувствуя, как к горлу подкатывает ком.

— Всё, не грузи. Не успела — значит, закажи доставку. И не приезжай с кислым лицом. Если у тебя нет настроения — лучше погуляй, проветрись. Мне нужен позитивный вайб дома.

Гудки.

Я смотрела на погасший экран. Внутри было пусто. Как будто кто-то вычерпал ложкой все эмоции, оставив только гулкую, звенящую усталость.

— Козел, — неожиданно сказала Кристина.

Я вздрогнула.

— Что?

— Козел, говорю. Твой Андрей. Арин, ты же классная. Ты мастер топ-уровня. Ты пашешь как лошадь. А он тебя за протеин отчитывает? Это ред флаг, подруга. Огромный такой, красный флаг.

Я хотела защитить его. Сказать, что она не понимает, что у него тонкая душевная организация, что он гений... Но слова застряли в горле. Потому что Кристина была права.

На улице лил дождь. Октябрь в Москве — это отдельный вид депрессии. Небо цвета грязной ваты, ветер, который выдувает остатки тепла из-под куртки, и лужи, в которых отражаются огни вечных пробок.

Обычно я плелась до метро, потом на автобусе. Час двадцать в пути. Но сегодня Кристина, увидев мое состояние, безапелляционно заявила:

— Садись. Я на машине, мне по пути.

Я не стала спорить. Сил не было.

Мы долетели быстро. Слишком быстро. Я вышла у подъезда элитного ЖК, где мы жили. Андрей всегда настаивал на «статусном» жилье. «Окружение формирует сознание, Арина. Мы не можем жить в хрущевке, мы пропитаемся запахом бедности».

Я посмотрела на окна седьмого этажа. Свет не горел. Странно. Андрей сказал, что он дома, ждет «вайб». Может, медитирует?

Я поднялась на лифте, сжимая в руке пакет с продуктами. Я все-таки зашла в магазин у дома и купила стейки. Дорогие. Хотела загладить вину за протеин. Господи, какую вину? За то, что я работаю, чтобы мы ели?

Ключ мягко повернулся в замке.

В прихожей пахло.

Это был не запах дома. Обычно у нас пахло моим кофе и его дорогим табаком для кальяна.

Сейчас воздух был тяжелым, сладким, приторным. Запах ванили, мускуса и чего-то цветочного. Дешевые, но очень стойкие духи. У меня от таких мгновенно начиналась мигрень.

Сердце пропустило удар. Потом забилось где-то в горле, мешая дышать.

В прихожей стояли женские ботильоны. На шпильке. Красные. Грязные, с налипшими осенними листьями. Рядом валялся плащ, небрежно брошенный на пуфик.

Я медленно сняла кроссовки. Руки тряслись так, что пакет с продуктами шуршал на всю квартиру. Я поставила его на пол. Стейки. Мраморная говядина. Какая ирония.

Я прошла в гостиную. Пусто.

Но дверь в спальню была приоткрыта. Оттуда лился тусклый свет ночника и доносился тихий смех. Женский смех. И голос Андрея — низкий, воркующий, тот самый, который я не слышала уже год.

— Ты же мой тигр... Ну иди сюда...

Меня будто ударили под дых. Воздух кончился. Я толкнула дверь.

Картина была банальной до тошноты. Как в плохом анекдоте.

Андрей лежал на кровати, на том самом постельном белье из египетского хлопка, которое я купила с премии. На нем были только боксеры. Рядом, завернувшись в простыню, сидела девица. Молодая, с ярким макияжем, размазанным по лицу, и наращенными волосами, которые спутались в колтун.

Они замерли. Девица взвизгнула и натянула простыню до подбородка.

Андрей медленно сел. Он не испугался. В его глазах не было паники. Только раздражение. Как будто я — курьер, который привез пиццу не вовремя.

— Арина? — он поморщился. — Ты чего так рано? Ты же на автобусе обычно.

Я стояла, прислонившись к косяку, и чувствовала, как мир вокруг меня рушится. Беззвучно. Просто осыпается штукатуркой.

— Кто это? — мой голос звучал чужим. Скрипучим, как несмазанная дверь.

— Это Милана. Мы... проводим сессию. Энергетическую.

— В трусах?

Андрей вздохнул, встал с кровати и начал искать свои штаны. Спокойно, вальяжно.

— Арина, не будь ханжой. Ты опять включаешь свою «училку». Милана — мой партнер по крипто-проекту. Мы праздновали закрытие сделки. Немного увлеклись. Это просто обмен энергией. Полигамия, Арина, это природа успешного мужчины. Альфа-самец не может ограничивать себя одной самкой, если ему нужно вдохновение.

Я смотрела на него и не верила своим ушам.

— Ты мне изменяешь... В постели, белье для которой купила я... Пока я пилю ногти, чтобы оплатить коммуналку за эту квартиру?

— За мою квартиру! — рявкнул он, застегивая ремень. — Не путай берега, Арина. Стены здесь мои, я их купил! А то, что ты платишь коммуналку — это копейки, плата за проживание в элитном месте. Не попрекай меня мелочью, это низко. Я создаю капитал, я работаю головой! А то, что случилось... Посмотри на себя.

Он подошел ко мне вплотную. От него пахло сексом и чужими духами. Меня замутило.

— Ты когда в зеркало смотрела? — он брезгливо коснулся моего плеча, обтянутого растянутым свитером. — Ты же потухла. У тебя глаза пустые. Ты вечно уставшая, вечно ноешь. Ты потеряла товарный вид, детка. Женщина должна вдохновлять, быть музой, праздником! А ты приходишь домой и пахнешь опилками и антисептиком. У меня на тебя не стоит, понимаешь? Мне нужна страсть, огонь! А ты — уютные тапочки. Старые, стоптанные тапочки.

Слезы, которые я сдерживала, хлынули потоком. Горячие, злые.

— Тапочки? — переспросила я.

— Да. Удобные, но на выход в них не пойдешь.

Внутри что-то щелкнуло. Громко. Как будто лопнула последняя струна, на которой держался этот цирк.

Я развернулась и пошла в прихожую.

— Эй, ты куда? — крикнул он мне в спину. — Мы не договорили! Арина, не смей устраивать истерику! Это неконструктивно!

Я схватила свою спортивную сумку, с которой ходила на фитнес (когда были деньги). Начала кидать туда всё подряд. Ноутбук. Зарядку. Паспорт. Трусы. Пару футболок.

— Арина! — он вышел в коридор. Девица выглядывала из спальни, с интересом наблюдая за шоу. — Ты что, реально сваливаешь? А ужин? Ты стейки принесла?

Я замерла. Посмотрела на него. Красивый. Высокий. И такой... пустой. Как шоколадный заяц — снаружи глянцевый, внутри пустота. Ему было плевать, что я ухожу. Ему было важно, кто пожарит мясо.

— Попроси Милану, — тихо сказала я. — Пусть она тебе пожарит. На своей энергии.

— Ты пожалеешь! — заорал он, когда я открыла входную дверь. — Ты без меня — ноль! Обычная маникюрша! Кому ты нужна в свои двадцать восемь с прицепом из комплексов? Я тебя создал! Приползешь через неделю, когда деньги кончатся!

Я вышла на лестничную площадку и с силой захлопнула дверь. Грохот эхом разнесся по этажу.

Я не стала вызывать лифт. Побежала по лестнице вниз, перепрыгивая через ступеньки. Мне нужно было бежать. Быстрее, дальше, прочь от этого запаха ванили, от его слов, которые жгли кожу, как кислота.

Я вылетела из подъезда в холодную московскую ночь. Дождь усилился. Он хлестал по лицу, смешиваясь со слезами. Я промокла мгновенно.

Я шла по улице, прижимая к себе полупустую сумку. Куда идти? К маме в Подольск? Поздно, электрички не ходят. К Кристине? Стыдно. В отель? Денег на карте — три тысячи рублей до аванса. Четырнадцать тысяч я перевела ему полчаса назад.

Я остановилась посреди тротуара. Вода текла за шиворот. Мимо проносились машины, обдавая меня брызгами грязи.

Я посмотрела на свои руки. Пластырь на пальце размок и отвалился. Ранка снова закровоточила.

«Ты потеряла товарный вид».

«Старые тапочки».

«Кому ты нужна».

Я чувствовала себя бракованным товаром. Сломанной куклой, которую поиграли и выбросили, потому что у неё села батарейка. Я была никем. Просто девочкой, которая очень старалась быть удобной. И стерла себя до основания.

Дождь усиливался. Холодные струи затекали за шиворот, пропитывая свитер ледяной влагой. Я сделала шаг. Потом еще один. Ноги сами несли меня к единственному светлому пятну в этом темном переулке — яркой вывеске на первом этаже кирпичного здания.

«Аптека 24». И рядом, дверь в дверь — небольшая кофейня с панорамными окнами, внутри которой горел теплый, желтый свет.

Я побрела туда, как мотылек на огонь. Не потому что хотела кофе. Я просто хотела не умереть от переохлаждения посреди Москвы.

Глава 2. Срочный прием

Москва в октябре не прощает слабости. Это город, который питается твоей энергией, а взамен дает лишь серую слякоть и ветер, пробирающий до костей. Дождь здесь умеет быть безжалостным. Он не просто мочит — он совершает над тобой насилие. Ледяные струи затекали мне за шиворот, пропитывали свитер, превращая его в тяжелую, холодную кольчугу, тянущую к земле. Джинсы прилипли к ногам, кроссовки хлюпали при каждом шаге, выплевывая мутную жижу из реагентов и грязи.

Я шла, не разбирая дороги, просто переставляла ноги, потому что остановиться значило признать поражение. В голове крутилась одна и та же пластинка: голос Андрея. «Товарный вид». «Старые тапочки». «Кому ты нужна». Эти слова жалили больнее, чем ледяной ветер. Я чувствовала себя бракованной деталью на конвейере жизни, которую отшвырнули в корзину для мусора.

Вокруг шумел проспект. Машины проносились мимо, обдавая меня веером грязных брызг, но мне было все равно. Я прижимала к себе спортивную сумку, в которой лежала вся моя жизнь: ноутбук, зарядка и пара трусов. Ручка сумки врезалась в ладонь, но я даже не перехватывала её. Боль физическая заглушала ту, что разрывала грудную клетку изнутри.

Впереди, сквозь пелену дождя, я увидела ядовито-зеленое свечение. Крест. Он мигал, то загорался, то гас, словно маяк в штормовом море.

«Аптека 24».

Я шагнула к ней не потому, что заболела. Мне просто нужен был свет. Мне нужно было место, где нет дождя, где нет Андрея и где пахнет чем-то стерильным, а не чужими приторными духами.

Автоматические двери разъехались с тихим жужжанием, впуская меня внутрь.

Контраст был оглушительным. После уличного шума и мрака здесь царила звенящая тишина и ослепительно белый, хирургический свет. В нос ударил резкий запах хлорки, ментола и картонных упаковок.

Внутри было пусто. Только за высоким стеклянным прилавком сидела провизорша — женщина неопределенного возраста с пергидрольным начесом и выражением вселенской скорби на лице. Она что-то яростно печатала на клавиатуре, но, услышав шаги, подняла голову. Поправила очки на носу и окинула меня взглядом, от которого захотелось провалиться сквозь кафельный пол.

Это был взгляд-сканер. Она увидела всё: мою мокрую куртку, с которой на стерильно чистый пол уже натекла грязная лужа. Мою Вот продолжение и завершение 2-й главы с учетом всех твоих правок.

потекшую тушь, превратившую меня в персонажа фильма ужасов. Мою трясущуюся челюсть.

«Наркоманка? Алкоголичка? Или просто городская сумасшедшая?» — читалось в её прищуренных глазах.

Я подошла к кассе, стараясь унять дрожь. Но тело жило своей жизнью: зубы выбивали дробь, колени подгибались.

— Мне... пластырь, — голос был чужим, сиплым, словно я курила две пачки в день. — Самый обычный. Бактерицидный.

— Поштучно или упаковку? — спросила она тоном, которым обычно спрашивают «вам пакет нужен?», заранее зная, что денег на пакет нет.

— Поштучно. Один.

Женщина тяжело, демонстративно вздохнула. Всем своим видом она показывала, как я отвлекаю её от важных государственных дел ради копеечной покупки. Она выдвинула ящик, порылась там и небрежно швырнула узкую зеленую полоску в пластиковый лоток для сдачи.

— Семь рублей.

Я достала телефон. Пальцы были красными, негнущимися, как сосиски. Я с трудом разблокировала экран. Приложила к терминалу.

Пик.

Оплата прошла.

Я выдохнула. Слава богу. На карте оставалась какая-то жалкая мелочь, сдача от тех четырнадцати тысяч, что я, как последняя идиотка, перевела Андрею час назад. «На базу финансовой грамотности», чтоб его.

Я отошла в сторону, к столику для упаковки лекарств, подальше от осуждающего взгляда провизорши. Поставила сумку на пол. Попыталась разорвать бумажную обертку пластыря. Бумага размокла от моих мокрых рук и не поддавалась. Я дергала её зубами, чувствуя вкус клея.

Наконец, я добралась до липкой ленты. Посмотрела на свой палец.

Зрелище было жалкое. Старый пластырь давно отклеился и исчез где-то по дороге. Свежий ожог от фрезы, который я получила всего час назад, когда пилила ногти последней клиентке, выглядел жутко. Рана еще не успела затянуться, от сырости кожа вокруг побелела, а сама ссадина воспалилась и пульсировала горячей, дергающей болью.

«Сапожник без сапог», — горько усмехнулась я про себя, кое-как налепляя сухой пластырь на влажную кожу. Он тут же начал отходить по краям.

Я подняла глаза и увидела его.

В углу аптеки, сиротливо прижавшись к витрине с тонометрами и ортопедическими стельками, стоял кофейный автомат. Старый, потертый, жужжащий ящик. Но для меня он сейчас сиял ярче, чем огни Эйфелевой башни.

На одной из кнопок горела надпись: «Горячий шоколад. Густой и сладкий. 45 руб.».

Желудок скрутило болезненным спазмом. Я вспомнила, что не ела с обеда. Те мраморные стейки, которые я купила Андрею, сейчас, наверное, жарила Милана. А я стояла здесь, пустая, холодная и голодная.

Горячий шоколад. Не кофе, от которого сердце и так выпрыгивало, а именно шоколад. Сладкий, теплый, химический. Мне казалось, что если я сейчас сделаю глоток, то снова стану человеком.

Я подошла к автомату, как к алтарю. Дрожащей рукой снова поднесла телефон к считывателю. Замерла в ожидании чуда.

Экран мигнул красным.

«Недостаточно средств».

Я тупо смотрела на эти буквы. Моргнула, надеясь, что мне показалось. Может, связь плохая? Может, терминал глючит?

Я попробовала еще раз. Прижала телефон сильнее, до белизны в костяшках.

Пик-пик.

«Недостаточно средств».
Мир качнулся.

У меня не было даже сорока пяти рублей.

Я — Арина, топ-мастер престижного салона, к которой запись расписана на месяц вперед. Я, которая сегодня заработала за смену десять тысяч рублей. Я стояла в мокрой одежде посреди аптеки и не могла купить себе стаканчик дешевого какао из порошка.

Потому что я хотела быть хорошей. Потому что я хотела быть удобной. Потому что я купила «нам» еду и оплатила коммуналку за квартиру, из которой я ушла сама. Да, я ушла сама, хлопнув дверью, сохранив остатки гордости. Но сейчас, стоя перед этим автоматом, я чувствовала себя так, будто меня вышвырнули, как нашкодившего котенка.

Слезы, которые я сдерживала всю дорогу, снова подступили к горлу. Жгучие, унизительные, детские. Мне стало так жалко себя, что захотелось выть. Я прижалась лбом к холодному, вибрирующему пластику автомата и закрыла глаза.

«Пожалуйста, — взмолилась я кому-то наверху. — Просто дай мне этот чертов шоколад. Я отдам. Я заработаю. Ну пожалуйста».

Но автомат был бездушен. Он лишь гудел вентилятором, охлаждая свои внутренности.

В этот момент автоматические двери аптеки снова бесшумно разъехались. В стерильную тишину ворвался шум дождя и порыв ледяного ветра, от которого по спине пробежали мурашки.

Раздались шаги. Тяжелые. Уверенные. Мужские. Ботинки скрипели по мокрому кафелю.

— Доброй ночи, — голос был низким, глубоким, с легкой хрипотцой усталости. — Мне медицинские маски. Пять упаковок по пятьдесят штук.

Я не обернулась. Я стояла, уткнувшись лбом в автомат, и молилась, чтобы этот человек быстрее ушел. Чтобы он не смотрел на меня. Чтобы я осталась невидимкой.

— Опять снабжение подвело, Алексей Викторович? — голос провизорши мгновенно изменился. Куда делась вселенская скорбь? Теперь в нем звучали елейные нотки, уважение и даже легкое кокетство.

— Как обычно, — ответил мужчина. — Машина будет только в понедельник, а у меня завтра полная запись. Сезон ОРВИ начался, половина района кашляет. Не хочу детей заражать, если сам что-то подхватил, да и родителей пугать не стоит.

Я слушала этот голос и чувствовала странный диссонанс. Он говорил о проблемах, о работе, но в его тоне было столько спокойствия, что оно казалось почти осязаемым. Он не жаловался, он просто решал задачу.

Шаги приблизились.

Я напряглась, вжимая голову в плечи.

Я почувствовала запах. Не лекарств, не хлорки. Пахло дождем, мокрой кожей, крепким табаком и чем-то неуловимо надежным. Мужским.

— Вы будете брать кофе? — раздалось прямо над ухом.

Я вздрогнула так сильно, что чуть не ударилась головой о стекло автомата. Отшатнулась, разворачиваясь.

Рядом стоял мужчина.

Высокий. Нет, огромный. Он казался скалой посреди этого хрупкого мира стеклянных витрин. Широкие плечи обтягивала темная куртка, которая была расстегнута, несмотря на холод. Под ней виднелся синий медицинский костюм — скраб. В одной руке он держал объемный пакет с масками, в другой — ключи от машины.

Он смотрел на меня сверху вниз. Его глаза были серыми, цвета грозового неба, и очень усталыми. Вокруг них залегли глубокие тени. Но взгляд... Взгляд был спокойным. Он не рассматривал меня как женщину, не оценивал «товарный вид». Он смотрел на меня как на факт. Как на задачу, которую нужно решить.

— Нет, — прошептала я, судорожно пряча телефон в карман мокрых джинсов. — Передумала. Не хочу.

— Аппарат пишет «отказ банка», — заметил он, кивнув на экран автомата, который предательски светился красным. — Врать нехорошо. Это повышает уровень стресса.

— Вам какое дело? — огрызнулась я, но вышло жалко.

— Профессиональное, — он чуть наклонил голову. — У вас губы синие. Носогубный треугольник бледный. И дрожь такая, что вы сейчас зубы себе раскрошите. Гипотермия первой степени на фоне острого нервного истощения.

Он достал из кармана свою карту. Черную, матовую. Спокойным движением приложил к терминалу.

Автомат радостно пискнул, признавая платежеспособность этого гиганта.

— Горячий шоколад? Или кофе?

— Я не... мне не надо... — я попыталась отступить, но уперлась спиной в витрину с тонометрами.

— Шоколад, — решил он за меня и нажал кнопку. — Кофе вам сейчас нельзя, тахикардия и так зашкаливает.

Машина зажужжала, зафыркала, и в пластиковый стаканчик полилась темно-коричневая жижа. Запахло какао и ванилью. Этот запах был таким теплым, таким домашним, что у меня закружилась голова.

Мужчина достал стакан, когда автомат пискнул об окончании, и протянул мне.

— Держите. Осторожно, горячо. Это назначение врача.

Я посмотрела на него. На бейджике, который висел на кармане скраба, я наконец прочитала: «Алексей В. Врач-педиатр».

Педиатр. Детский врач. Этот суровый медведь лечит детей? Картинка в голове не складывалась.

Я протянула руку. Мои пальцы дрожали так сильно, что я боялась выронить стакан.

— Спасибо, — голос сорвался на шепот. — Я отдам... потом. У меня просто... временные трудности.

— Пейте.

Я обхватила стакан обеими ладонями. Тепло ударило в кожу, пробиваясь сквозь онемение. Я поднесла его к губам и сделала глоток.

Сладкий, горячий, густой напиток обжег горло, прокатился по пищеводу и упал в желудок теплым шаром.

И тут меня накрыло.

Это было слишком. Слишком много событий для одного вечера. Слишком много холода, предательства, страха. И вдруг — этот стакан шоколада от незнакомого человека.

Эта маленькая капля доброты стала последней каплей.

Я всхлипнула. Громко, некрасиво. Потом еще раз. Воздух застрял в горле.

Стакан в руке задрожал, расплескивая коричневые капли на пол и на мои грязные кроссовки.

— Ну вот, — спокойно констатировал Алексей. — Реакция пошла.

Он не стал меня утешать. Не лез с дурацкими вопросами «что случилось?», «почему вы плачете?». Он просто сделал шаг в сторону, закрывая меня своей широкой спиной от любопытного взгляда провизорши. Он создал вокруг меня невидимый купол безопасности.

— Простите... — давилась я слезами, чувствуя, как по щекам текут горячие ручьи, смешиваясь с дождевой водой. — Я просто... у меня день такой... Я не бомж, честно... Я работаю... Я нормальная...

— Я вижу, что не бомж. У бомжей маникюр хуже, — его голос звучал ровно, даже с легкой иронией. Он кивнул на мою руку, сжимающую стакан. — Сами делали?

— Что? — я шмыгнула носом, не понимая.

— Пластырь. Криво наклеен. И палец отек, края красные. Воспаление начинается. Обрабатывали чем-то?

Я посмотрела на свой несчастный палец.

— Я мастер маникюра, — истерично хихикнула я сквозь слезы. Смех смешался с рыданием. — Сапожник без сапог. Фреза соскользнула сегодня вечером.

— Бывает. Я вот педиатр, а маски за свои деньги покупаю, потому что логистика в клинике хромает. Иначе дети сопливые, а я без защиты.

Он полез в карман куртки. Достал упаковку бумажных платков, вскрыл её одной рукой и протянул мне.

— Вытирайтесь. А то тушь потекла, похожи на панду. Грустную панду.

Я взяла салфетку.

— Спасибо.

Я вытерла лицо. Стало чуть легче. Шоколад грел изнутри, а присутствие этого человека грело снаружи. Он не излучал суету. Он был как заземление. Рядом с ним моя истерика казалась чем-то, что можно пережить.

Алексей посмотрел на часы — простые, черные, спортивные. Потом перевел взгляд на меня.

— Куда вам ехать?

— Не знаю, — честно ответила я. Врать ему почему-то не хотелось. — Домой нельзя. Там... там сложно.

— Денег на такси, я так понимаю, тоже нет? Раз уж шоколад не прошел.

Я покачала головой, глядя в пол. Стыд снова обжег щеки, но уже не так сильно.

— Понятно.

Он вздохнул, перехватил пакет с масками поудобнее.

— На улице плюс три, дождь стеной. Вы мокрая насквозь, у вас признаки переохлаждения и острый стресс. Если я вас сейчас выпущу за эту дверь, завтра вы будете моим пациентом. Или клиентмом пульмонологии с двусторонней пневмонией. А я, знаете ли, ненавижу, когда люди гробят свое здоровье по глупости.

— И что вы предлагаете? — я подняла на него глаза.

— Моя машина у входа. Я отвезу вас. К подруге, к маме, на вокзал — куда скажете.

Во мне проснулся инстинкт самосохранения.

— Зачем вам это? Вы меня не знаете. Может, я аферистка. Или больная.

— Вы не аферистка, у вас глаза честные и испуганные. А если больная — вылечим, — усмехнулся он. — Я давал клятву Гиппократа. Там, конечно, про работу таксистом ничего не сказано, но про «не навреди» есть. Оставить вас здесь — это навредить.

Он посмотрел мне прямо в глаза. Серьезно. Без тени флирта.

— Я не маньяк, Арина. Я просто очень хочу спать после двенадцатичасовой смены, а совесть не позволит мне уснуть, зная, что я бросил человека замерзать в аптеке из-за сорока пяти рублей.

— Откуда вы знаете мое имя? — я напряглась.

— У вас на сумке бирка с аэропорта. «Арина К.». И штрихкод. Я наблюдательный. Это часть профессии.

Я посмотрела на свою огромную спортивную сумку, которую всё еще сжимала в руке так, что побелели костяшки. Бирка с поездки в Турцию два года назад. Единственный раз, когда Андрей «вывез» меня на отдых. Правда, потом он два года при каждом удобном случае напоминал мне об этом «жесте невероятной щедрости», заставляя чувствовать себя должницей по гроб жизни.

— Света, — тихо сказала я. Решение пришло само. — Мою подругу зовут Света. Она живет в Чертаново.

Алексей хмыкнул.

— Чертаново — это край географии. Но там хотя бы пробок сейчас нет. И шаурма вкусная на районе, говорят.

Он забрал у меня тяжелую сумку. Просто снял её с моего плеча и закинул себе на плечо, будто она весила не больше пушинки.

— Пошли, Арина К. Будем вас эвакуировать.

Мы подошли к выходу. Автоматические двери бесшумно разъехались, выпуская нас в ночь. Дождь всё так же лил, превращая Москву в грязное месиво. Но теперь, идя рядом с этим большим, спокойным человеком в медицинской форме, я вдруг подумала, что дождь — это просто вода. А вода, как известно, смывает всё лишнее. Даже разбитые мечты.

Глава 3. Терапия реальностью

Три дня прошли как в тумане. В вязком, сером, липком тумане, который пах кошачьим кормом и чужой квартирой.

Света, моя подруга, жила

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.